

Айжаркын Кожобекова

МОДЕЛЬ МИРА КАК СИСТЕМА ОНТОЛОГИЧЕСКИХ И ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ

Если вспомнить слова Ричарда Баха о том, что мы не живем в одном мире, а живем в своих мирах, неизбежно встает вопрос о модели мира, в которой мы пребываем или которую творим. В данной статье основное внимание фокусируется не на классификации существующих моделей мира и не на их хронологической смене, а на том моменте, что какой бы ни была модель мира, она задает наши познавательные интенции, эмоциональные реакции и практические действия. Более того, даже в рамках определенной модели условно обозначенного исторического периода есть место для функционирования других моделей на уровне как отдельной социальной или этнической группы, так и индивида.

Любая картина мира или модель мира претендует на постижение «мира как целого», которому присущи своя внутренняя структура и устойчивые элементы. На основе этого концептуального понимания возникает оценка человеком себя, своего окружения, своей жизни в мире, определяется система смыслов и ценностей, формируются идеалы как некие всеобщие представления об истине, красоте, добре и т.д. Модели мира задаются социокультурным, историческим, научно-техническим, а также языковым контекстом. Они рефлексированы индивидуальным сознанием, трансформируясь в различных паттернах поведения и социальных отношениях. Различные модели мира продуцируют различные социальные позиции и интенции, находящие свое отражение в философских изысканиях, как целых эпох, так и в духовно-практических поисках отдельной личности. Моделирование мира представляет собой глобальное поглощение огромного множества элементов мира одной конкретной онтологией, экстраполируемой на все части мира, иначе говоря, тотальное поглощение других возможных онтологий. Проецирование, индуцирование, экстраполяция на весь мир определенных признаков, действительных и мнимых, позволяют структурировать мир в заданной конфигурации объектов их свойств и функций, тем самым утверждая необходимые онтологические, гносеологические и аксиологические основания для человека и общества. Рассмотрим некоторые модели мира.

Модель «мир-космос», возникшая в эпоху античности и порожденная ее увлеченностью идеей бесконечности, заключенной в предметно-геометрическом выражении в виде шаров, кругов и окружностей, исходила из центральной идеи Космоса как воплощения бесконечного [Лосев 1963: 339], идеального, прекрасного. Откуда происходит такое упорное стремление античных мыслителей (Платон, Аристотель) разработать концепты идеального государства, идеального правителя, идеальных законов и идеального гражданина? Ответ заключается в модели

античного мира, где на одном полюсе стоял удивительный Космос, а на другом его уменьшенная проекция – человеческое тело, которое также обладало всеми характеристиками Космоса. Отсюда возникла возможность достижения совершенства олимпийских богов, совершенствования тела и духа. Античность развила представление о мире как системно-гармоническом целом, в котором человек и Вселенная находятся в своеобразной взаимозависимости и взаимопроникновении. Античная модель мира есть, по сути, триада: Космос – Государство – Человек (человеческое тело), каждый элемент которой является уменьшенной или увеличенной проекцией двух других элементов. Государство, занимающее промежуточное положение между Космосом и Человеческим телом, есть уменьшенная проекция Космоса и увеличенная проекция человеческого тела, что детерминирует необходимость его идеальности как свойства проецируемых объектов. Стало быть, модель мира есть активная творческая сила, формирующая реальность и обуславливающая возможные интерпретации мира и места в нем человека.

Древнекитайская цивилизация представила иную модель мира, где «мир есть брачное ложе» (такое понимание представлено и в древнеиндийской традиции). Данная модель, обусловленная отсутствием жесткого противостояния противоположных элементов, исходит из принципов парности и комплементарности (взаимодополнительности), что позволяет рассматривать мир как взаимопереход и взаимообусловленность его компонентов (земля – небо, женское – мужское, свет – тьма). Ничто не существует в абсолютной чистоте своих свойств, и ничто не может быть абсолютно самостоятельно и независимо. Возможность познания сущности взаимоотношений противоположностей, отраженных в идее Инь – Ян, их конкретной изменчивости задает восприятие как всеобщего, так и единичного в событийном плане мирового бытия. Отсюда связанность гносеологии с медитативными практиками. «Мир как брачное ложе» в китайской традиции переходит в «мир как поле сева или жатвы», когда брачный союз парных элементов продуцирует в мир новый элемент (урожай), что становится ценным для оседлых народов или укрепляющихся империй. В дальнейшем в Китае установится иная модель мира, основанная на конфуцианской доктрине – «мир – семья». Жесткая социальная иерархия, закрепившая статусы, полномочия, обязанности, возможности и пределы допустимого, метафорически выразилась в концепте семьи как основе китайского государства. Главным достоинством этой модели «мир-семья» является превращение сложного концепта государства-империи в простое доступное понятие семьи. В то же время семья стала единственным институтом, заслуживающим полного доверия, что в дальнейшем наложило свой отпечаток на характер распределения социального капитала доверия и систему отношений «семья-общество-государство». Ф. Фукуяма, анализируя проблему социального доверия в Китае, утверждает: «Большинство китайцев склонно доверять только тем людям, с которыми они связаны родственными отношениями, и наоборот – не доверять посторонним». «Доверие только по отношению к членам семьи и ни к кому за ее пределами

не позволяет людям, не связанным узами родства, объединяться в группы или организации, включая и экономические» [Фукуяма 2004: 128-129].

Такое миромоделирование существенно отличается от кочевых народов, живущих в модели «мир – пастбище», выстраивающей отношения линейности и векторности, развертывания пространства вширь и его освоения, семантизации и «одомашнивания» в практике Пути как принципе организации номадического мира. Думается, Путь выступает философией номадического бытия, доказательством чего служит его проявление в языковых конструкциях и трех составляющих его аспектах функционирования. В онтологическом аспекте Путь есть путь-дорога, чьей мерой становится шаг. В гносеологическом смысле Путь связан с семантизацией неизвестного пространства, «поименованием» новых объектов, отделения сакрального от профанного. И наконец, в аксиологическом контексте Путь есть жизненный путь человека от рождения до смерти [Кожобекова 2008: 134-139]. Мир – пастбище задает экстенсивный тип деятельности и хозяйствования, четкое обозначение «своего» и «чужого» пространства, тем самым, формируя открытую ментальную установку по отношению к миру. Следует отметить, что в данной работе рассматривается степной кочевник, который несколько отличается от кочевника пустынного. Итак, пространство кочевника не может быть наблюдаемо извне по принципу Эвклидова пространства. Модель степного кочевника постоянно репрезентирует себя в признании множества и различий, необходимости адаптации к внешнему контексту, что задает силу и слабость данной модели. В качестве сильной стороны выступает ее высокая степень открытости, адаптивности, гибкости, возможности поглощения нового и его принятия. Что касается слабой стороны, то она проявляется в скрытой угрозе ассимиляции, потери культурного ядра. Таким образом, модель мира может выступать и как определенная онтология и как гносеологическая парадигма, позволяющая структурировать эту онтологию, распознавая в ней семантические ядра и деривативные элементы.

Совершенно иные отношения человека с миром и человека с человеком заключены в модели «мир - божественное творение», где мир не является результатом необходимости, а лишь проявление доброй воли Бога и его замысла. Хотя традиционно данную модель связывают с европейским средневековьем, она работает и в мусульманском мире. Онтологический принцип Творения, гносеологический принцип Откровения и аксиологический принцип Провиденциализма вносят в мир новые характеристики, такие как: фатализм (наличие судьбы и невозможности ее изменения), непредсказуемость (в силу того, что пути Господни неисповедимы), наличие заданного финала (Судного дня) и его толкование на основе Священного Писания (в вопросах божественных тайн никто не должен спрашивать «почему?» и «как?»). Бинарность мира (земное и небесное) носит несимметричный характер отношений, а отношения по принципу «доминант – доминируемый», в которых бытие человека подчинено бытию Бога. В сущности, данная модель мира представляет собой поле битвы, тем самым обнаруживая свой переход в другую модель. Мир как поле битвы есть дуально-антагонисти-

ческая, милитаристская модель (она имела место еще в зороастризме). Здесь мы имеем дело с совмещением двух моделей мира в одной концептуальной основе. Интересен сам момент сочетания несовместимого: смирения и борьбы. Гносеологическим принципом мира как поля битвы становится принцип антагонизма и дуальности, который выражается в терминах военного языка: война добра и зла, победа духа над телом, враги-соблазны, поражение человека искушениями, два «воинства» – Бога (Христа) и дьявола, борьба земного и небесного гражданства т.д. «Мир как поле битвы» требует наличия победителей и побежденных – праведников и грешников, спасенных и обреченных на горение в аду. На поле битвы не может не проявляться агрессия, нетерпимость, жажда победы, что вполне объясняет наличие религиозного фанатизма, не имеющего ничего общего с истинной верой в ее подлинном смысле. Модель «мир – поле» битвы будет представлена в концептуальных воззрениях Т. Гоббса, рассматривавшего войну как естественное состояние общества, следствием которого является разделение людей на друзей и врагов. В тоже время модель «мир – поле битвы» создает условия для проявления героизма, жертвенности, стойкости духа и т.д. К тому же битва обнажает личностное начало в человеке, проявляющееся в необходимости делать выбор и следовать принятому решению. В этой модели возникает целый ряд своих героев и жертв, наделяемых особой святостью и божественной благодатью.

Ни героев, ни жертв нет в модели «мир – механизм», которая подчиняется законам причинности и необходимости. Учение о пространстве Н. Коперника, Дж. Бруно, вдохновленные Н. Кузанским, небесная механика Ньютона заложили в познании основы нового механистического мира, в котором даже люди становились только искусными механизмами [Ламетри 1925: 183]. «Мир как механизм» дает человеку возможность точно прогнозировать свое будущее, исправлять совершенные ошибки, возвращаться в исходную позицию, что делает процессы обратимыми и потому предсказуемыми и поддающимися измерению. Мир есть гигантский механизм напоминающий часы, шестеренки которых движутся по точно заданным циклам, в свою очередь общество и человек также подчиняются законам механики. Такой мир жестко детерминирован, а случайности суть не выявленные закономерности. С чем связано появление этой модели, и каковы ее дальнейшие трансформации? Именно на этот период приходится бурное становление буржуазного промышленного капитала и общества, основанного на индивидуализме, личной выгоде, духе предпринимательства, что не могло не отразиться в новых моделях мира: «мир есть производство» и «мир есть рынок». «Мир как производство» в дальнейшем (в частности в XX веке) будет положен в основу технической модели мира, опирающейся на принцип целесообразности. В этой модели на второй план отступят духовные поиски, творческие порывы, жажда приключений и открытий, и на первом месте окажутся вопросы, связанные с объемом производства, повышением его эффективности, рентабельности. «Мир как производство» есть доминанция над миром природы, поскольку последний рассматривается лишь как сырьевая база. Одно-

временно нивелируется индивидуальное начало (получившее расцвет в эпохе Возрождения, провозглашавшей бесконечность познавательных возможностей человека и его личного творческого потенциала), которое сдает свои позиции под натиском массы, толпы, ориентирующейся на удовлетворение материальных потребностей. При этом в интерпретации производства и его влияния на общество можно было исходить как из способа производства (марксистская парадигма), так и из товаров производства (критика марксизма).

Что касается модели «мир есть рынок» (которая также достигнет своего расцвета в XX веке), она функционирует в терминах торгового языка: купля-продажа, спрос-предложение, товар-цена, обмен. Экономическое выражение эта модель получит, в частности, в теории обмена, теории трудовой стоимости, а концептуально-гражданское звучание, в частности, в протестантской модели социальных отношений (Макс Вебер). Доминирующим принципом данной модели является принцип потребления. Модель «мир – рынок» предполагает наличие у всего и вся определенной стоимости и цены, которая может изменяться в зависимости от конъюнктуры рынка, что в некоторой степени нивелирует собственно духовно-ценностное преломление отношений и восприятий, сводя их к ситуации конкуренции и неизбежного чьего-то успеха с одной стороны и поражения с другой. И успех, и поражение также измеряются в торговых терминах, как и сами продукты обмена. Одновременно, модель рынка предполагает возможность проявления личной предприимчивости, смекалки, креативности, хотя данные черты не столь суть результат самосовершенствования, сколько результат усилий, направленных на повышение прибыли. Данная модель не предполагает глубоких внутренних связей между людьми, их духовной общности, а категории морально-этического плана трансформируются в правила осуществления обмена или торговли, исходящие из эквивалентности товаров.

Следует отметить, что появление различных моделей мира было обусловлено и развитием конкретных наук, так на модель «мир есть механизм» и деривативные от нее «мир есть производство» и «мир есть рынок» первоначально сильнейшее влияние оказало быстрое развитие механики, и связанный с ним рост производства и повышение экономической эффективности. Развитие биологии обусловило появление модели «мир есть организм», которая стала своеобразным ответом на механицизм и его проявления. Органическая модель мира основывается на антропоморфическом представлении о мире, восходящему к архаическому прошлому человеку, когда при отсутствии достаточной общественно-исторической практики и наличия у человека в качестве инструмента только собственного тела, произошло проецирование на мир внутренних ощущений, переживаний и размышлений человека. Принципы интеграции частей в целое и дифференциации частей в целом позволили представить мир в виде живой ткани осуществляющихся процессов, каждый из которых связан со своими собственными ритмами, включающимися в общую ритмику природы с ее законами. Мир как организм дал возможность говорить о внутренних мотивах,

боли, страдании, потребности в пище, укрытии, необходимости выживания, воспроизводства потомства и т.д. Данная модель повернула человека технического, производящего, торгующего, к человеку природному, биологическому, живому и потому смертному. В этой модели большое значение обретает категория здоровья как «базис и предпосылка человеческого бытия», «та природно-естественная база, на основе которой человек может проявить и постичь свою собственную самооценку». Именно в этой модели язык закрепляет такие идиомы как «больное общество», «здоровое общество», метафорически отражающие идею телесности мира, необходимости здорового функционирования всех его органов. При этом в идее организма как мировоззренческой метафоры присутствует идея свободного человека как здорового человека, свободного общества как здорового общества, поскольку больной человек зависим от своих недугов. В то же время модель «мир – организм» отождествляет природные биологические и социальные процессы, тем самым снижая значение социокультурных, экономических, научно-технических факторов в развитии общества и человека.

Поскольку модели мира являются экстраполяцией онтологии одной части мира на весь мир или на все его другие онтологии, существует целый ряд моделей, не связанных напрямую с развитием науки и техники, или исторической эпохой, а в большей степени обусловленных внутренними личностными переживаниями. Например, «мир – тюрьма» – модель, представленная Гамлетом, которой соответствует необходимая терминология: заключенные, тюремные решетки, надзиратели. В данной модели метафора тюрьмы проецируется не только на внешний, но и внутренний мир, когда вся жизнь есть заключение, а смерть, соответственно, становится освобождением. Основополагающими категориями становятся «свобода» и «несвобода», «справедливость» и «несправедливость», «преступление» и «наказание». Причем все эти категории обретают субъективированное содержание. Несвобода не позволяет проявиться творчеству, либо задает ему форму бесплодных фантазий, или пассивного созерцания действительности, когда свобода реализуется только в акте выбора часа и места смерти. Тюрьма не оставляет возможности бунта, либо бунт не выходит за стены тюрьмы, при этом согласно принципу экстраполяции свойства тюрьмы переносятся на все существующие миры или онтологии, становясь всеобщим онтологическим и абсолютным метафизическим принципом. «Тюремный язык служит моделирующим языком, в терминах и категориях которого описываются и интерпретируются другие миры и весь Мир, а тюрьма служит моделью других миров и всего Мира (Мир-как-тюрьма), в рамках которой формулируются идеи «несвободы», «свободы» и «освобождения» [Максапетян 2003: 54].

«Мир – театр», представляет собой трансцендентально-иллюзионистскую модель, функционирующую на основе принципов вероятности и случайности. «Мир – театр» есть одна из вариаций игровой модели мира, которая амплифицируется наличием множества масок и возможностью их менять. Подобные условия задают определенный контекст социальных отношений и внутренних пере-

живаний. Личность обладает возможностью сбрасывать одну маску и надевать другую, оставаясь при этом отчужденной от характера, передаваемого маской. Все персонажи в данной модели мира играют свои роли в заданном контексте, незамедлительно меняя их в другом. Семантика игры не требует соответствия индивида своей роли, тем самым, лишая социальные отношения искренности и честности, к тому же смена ролей позволяет избегать ответственности. Мир театра – это мир иллюзий, иллюзорность суть онтологическая характеристика данного мира, где отсутствие опоры является его сильной и слабой стороной одновременно. Модель театра обнаруживает скрытые черты индивида, но не задает момент узнаваемости, а значит признания или осуждения. Кроме того, в данной модели особое место занимает символизация реальности, облачение ее в формы, имеющие скрытый смысл – тайну, либо претендующие на обладание тайной. Эта модель эстетизирует мир человеческих отношений, превращая их в сценарные вариации, каждая из которых сохраняет свой авторский замысел. Подобное видение мира отражается и в модели «мир – есть иллюзия», напоминающая борхесовское «мы – сны, которые сняты кому-то другому». В «мир – театр» вовлечены сценарии, проигрываемые человеком, либо «антисценарии» (Э. Берн) как попытка сломать сценарность через прямое противодействие, что порождает новый сценарий, оставляя человека во власти навязанных паттернов поведения и их осмысления.

Существует множество моделей мира, каждая из которых имеет свою специфику. Модель «мир – это государство» требует применения иерархичной структуры, выраженной в терминах статусов и полномочий, чрезмерно рационализируя многообразие форм и смыслов человеческих отношений. Модель «мир – испытание» предполагает выход в трансцендентное как преодоление судьбы, рока, фатума – суть героическая интенция обитателя мира, при этом подспудно сохраняя идею ущербности посюстороннего мира. Восходящая к буддизму модель «мир – страдание», задающая конкретные практики преодоления страдания или освобождения от него, сводит к одному ощущению всю гамму человеческих переживаний, связанных с ним самим и его отношением к миру. При этом данная модель также исходит из стремления рационализировать человеческое бытие, устранив из него все возможные аффективные проявления. Модель «мир – игровой стол» включает в свою сферу понятия риска и удачи, взлета и падения, имеющих в большей степени, случайный характер, трансформируя человека из активного игрока в безвольную игрушку. Модель «мир – добыча» связана с архетипом охотника, познающего и присваивающего мир посредством конкретной деятельности. Такая онтология закладывает основы для потребительского отношения к миру и утилизирует человеческое стремление к познанию. Модель «мир – застолье» суть противоположная «миру-страданию» и «миру – испытанию» модель, выводящая на первый план идею быстротечности жизненного праздника. Здесь наблюдается переход модели «мир-праздник» в одно из выражений праздника – застолье. Модель «мир – иллюзия» (упоминалась выше) погружает человека в сферу бессознательного и подсознательного, выводя его за пределы раци-

онального мышления. В частности, эта модель находит свое яркое воплощение в волшебных сказках, где герои не всегда есть то, чем они кажутся. Известный юнгианский аналитик М.-Л. фон Франц анализирует волшебные сказки с позиций психотерапии, практически раскрывая идею иллюзорности магического в человеческой психике [Франц 2007: 5-17]. (Модель «мир – хаос» исходит из идеи центробежных сил, энтропии и синергии и др., представляя иное содержание процессов, осуществляющихся в универсуме, обществе и жизни отдельного человека. Модель разрушающегося мира, хорошо представленная в экологическом контексте, является своего рода противовесом модели «мир-стройка».

Таким образом, модель мира представляет собой некий онтологический порядок и ряд гносеологических возможностей, позволяющий проникать в тело вещей, вскрывая их сущность. Модель мира упорядочивает обозримые предметы и задает аксиологические рамки для осмысления скрытого, тем самым обеспечивая организацию познавательной деятельности.

Литература

1. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Ранняя классика. – М., 1963.
2. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. – М., 2004.
3. Кожобекова А.Ш. Путь как философия номадического социума // Вестник КРСУ. – Бишкек, 2008. – № 8. – С. 134-139.
4. Ламетри Ж.О. Человек – машина // Избранные сочинения. – М., 1925.
5. Максакетян А.Г. Языки описания и модели мира (постановка вопроса)// Вопросы философии. – 2003. – № 2. – С. 53-65.
6. Франц М.-Л. фон. Избавление от колдовства в волшебных сказках. – М., 2007.

Түйін

Кожобекова А. Онтологиялык және гносеологиялык ұстындар жүйесі ретіндегі әлем үлгісі

Мақалада «адам-әлем», «адам-адам» қатынастардың спецификасы анықталатын әр қандай әлемнің моделдері қаралады. Әлем үлгісі зат тәніне еруге мүмкіндік беретін, олардың мәнін ашатын онтологиялық тәртіппен гносеологиялық мүмкіндіктер тәртібін көрсетеді. Әлем үлгісі таным әрекетін ұйымдастыруды қамтамасыз ете отырып пайымдау үшін аксиологиялық деңгейлер мен заттарды тәртіпке келтіреді.

Summary

Kozhobekova A. Model of World As System of Ontological and Gnoseological Principles

In the article different models of the world with specific relations “the world – a man” and “a man – a man” are considered. Model of world is some ontological order and a rear of gnoseological possibilities which assist to get into a body of things opening their essence. Model of world makes the order of seeing things and axiological frames for comprehending the latent providing by this an organization of cognitive activity.

